

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 25–36
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 25–36
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-25–36

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ «ДЛИННЫЕ ГЕНЕАЛОГИИ» VII–V вв. до н.э. И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Д.А. Изосимов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: DenLore@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1795-3356

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о назначении «длинных генеалогий», под которыми понимаются встречающиеся в текстах частных памятников списки родословных египетских сановников в более чем четыре поколения. «Длинные генеалогии» египетских вельмож неоднократно рассматривались в предшествующей научной литературе по отдельности, однако в едином ключе сама практика создания подобных родословных рассматривалась лишь в одной работе К. Янсена-Винкельна. Однако вне внимания ученого был оставлен тот факт, что в период правления XXVI династии памятники с «длинными генеалогиями» встречаются лишь в годы правления царя Псамметиха I и после столетнего перерыва в практике создания длинных родословных появляются вновь при Амасисе и при персидских царях. Для выявления причин прекращения и последующего возрождения традиции создания «длинных генеалогий» рассмотрен вопрос об их назначении и различии в применении данных памятников. Для памятников, содержащих «длинные генеалогии», выявлено общее: употребление в качестве памятников, обеспечивающих культовое почитание всех членов рода. Однако в конце Саисского времени данные памятники приобретают еще одно назначение, а именно обосновывают права египетских жрецов на занятие определенных должностей и связанные с ними доходы с земельных наделов. Подобное дополнительное назначение обусловлено изменениями в политике правителей Египта по отношению к храмам: в ходе проведенных Амасисом реформ государственные дотации храмам были существенно сокращены. Персидские цари продолжили политику саисских царей по сокращению автономии храмов, что привело к изменению в экономическом положении жрецов. Возрождение «длинных генеалогий» связано со стремлением жрецов обосновать свои права на владение определенными должностями, опираясь на наследственный принцип, который к тому же был весомым в глазах жреческой корпорации.

Ключевые слова: Древний Египет, частные памятники, «длинная генеалогия», Первое персидское владычество, саисское время, жречество.

Данные об авторе: Денис Александрович Изосимов – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Египтологи неоднократно обращались к теме исследования социального и политического устройства Древнего Египта в I тыс. до н.э., однако сводной картины данного периода так и не было создано. Определенную роль в этом играет состояние самих источников, сведения которых не позволяют дать исчерпывающую характеристику древнеегипетского общества в I тыс. до н.э. Тем не менее комплексный анализ явлений и практик, отразившихся в надписях на частных памятниках данного периода, на наш взгляд, позволяют выявить отдельные характерные черты общества долины Нила. Одной из подобных практик, существовавшей на протяжении практически всего I тыс. до н.э., была практика создания «длинных генеалогий», т.е. родословных, включавших упоминание четырех и более поколений предков владельца памятника.

Строго говоря, присутствие генеалогической информации в надписях было характерно для частных памятников вельмож на протяжении всей истории древнеегипетской цивилизации. Но в период III–II тыс. до н.э. эта информация обычно ограничивалась упоминанием имен ближайших родственников (чаще всего родителей и детей владельца памятника). Первые примеры памятников с «длинными генеалогиями» датируются временем XXII династии, хотя, по всей вероятности, данная практика могла зародиться и при XXI династии. Исчезает практика создания «длинных генеалогий» уже в период правления Птолемея¹.

«Длинные генеалогии» не раз привлекались учеными в различных исследованиях. В частности, на основе данных родословных изучался состав и иерархия жреческих должностей ряда культов², выявлялись изменения в мировоззрении египтян³, и, естественно, сведения подобных родословных имели важное значение для просопографических и генеалогических исследований отдельных семей египетских сановников⁴. Однако само явление «длинных генеалогий» во всей его совокупности практически не рассматривалось исследователями подробно. Единственной работой, в которой была предпринята попытка проанализировать «длинные генеалогии» I тыс. до н.э. в едином ключе, является статья К. Янсена-Винкельна⁵, в которой исследователь рассматривает такие вопросы, как причины появления данной практики и назначение подобных генеалогий. По мнению исследователя, частные памятники с «длинными генеалогиями» служили сразу нескольким целям. Во-первых, включение в текстовое оформление памятников родословных владельцев было призвано обеспечить посмертное почитание не только владельца стелы, но и указанных в генеалогии родственников без необходимости возводить для каждого предка отдельный памятник⁶. Связано это с уменьшением числа индивидуальных гробниц и распространением после падения Нового царства практики коллективных семейных захоронений. Во-вторых, «длинные генеалогии» с перечислением должностей предков выступали в качестве обоснования прав владельцев данных памятников на указанные должности⁷. Причем ученый отмечает, что в большинстве случаев указывались именно жрече-

¹ Jansen-Winkel 2005, 137.

² De Meulenaere 1976; Leahy, Leahy 1986; Rittner 1994; Labudek 2010.

³ Wildung 1969; Vittmann 1978.

⁴ Leahy 1986; Rittner 1994.

⁵ Jansen-Winkel 2005.

⁶ Jansen-Winkel 2005, 143.

⁷ Jansen-Winkel 2005, 138–140.

ские должности. По мнению Янсен-Винкельна, появление «длинных генеалогий» на частных памятниках стало результатом заимствования у ливийцев практики обоснования прав на жреческие и административные должности принадлежностью к определенному роду, чьи члены занимали те же должности прежде. Кроме того, Янсен-Винкельн дополнительно развивает данную мысль, указывая, что заимствование египтянами данной практики стало возможным в результате изменений, произошедших в политической структуре государства. Если в период Нового царства важную роль в гражданской администрации играли прежде всего царские писцы и представители царя, то в условиях политической раздробленности ливийского времени главенствующее положение начинают занимать египетские жрецы и представители военной аристократии из числа ливийцев⁸.

При обращении к списку рассматриваемых ученым источников⁹ видно, что в годы правления XXVI династии «длинные генеалогии» встречаются на памятниках, относящихся к первым годам правления саисских царей (надпись на дверной перемычке Cairo JE 38824¹⁰, стела Wien 157¹¹ и надпись на статуе Cairo CG 48617¹²) и к последним (стелы Cairo JE 43197¹³ и Cairo CG 22147¹⁴). При этом сама выборка используемых источников не совсем полная: так, для эпохи Первого персидского владычества К. Янсен-Винкельн отмечает лишь одну надпись Хнумибра¹⁵, в то время как сведения других памятников данного периода остались им не рассмотрены. Если обратиться к памятникам Саисского времени, то можно заметить, что основная их масса относится также ко времени правления Псамметиха I либо Амасиса. Таким образом, можно говорить о том, что прерывание в практике создания «длинных генеалогий» является не проблемой самой выборки источников, приведенных в статье К. Янсен-Винкельна, а существовала в действительности. Однако немецкий ученый не дает никакого комментария по поводу данного прекращения и последующего возрождения практики составления длинных родословных.

Для решения вопроса о причинах данной паузы и последующего возрождения традиции, на наш взгляд, необходимо проанализировать сами памятники, содержащие длинные родословные в Саисское время и в эпоху Первого персидского владычества. От времени Псамметиха I дошли следующие памятники, содержащие «длинные генеалогии»: вышеназванные стела Wien 157, надпись на дверной перемычке Cairo JE 38824, статуя Cairo CG 48617, а также стела AEIN 1040¹⁶ и саркофаги фиванских «визирей» (*ḥty*) Cairo CG 41068 и CG 41057¹⁷. Из памятников с «длинными генеалогиями» ко времени правления Амасиса и эпохе Первого персидского владычества, помимо вышеназванных стел Cairo JE 43197 и CG 22147, относятся погребальные стелы в честь усопшего Аписа: 1) от эпохи

⁸ Jansen-Winkel 2005, 143.

⁹ Jansen-Winkel 2005, 144–145.

¹⁰ Leahy, Leahy 1986, 133–147.

¹¹ Munro 1973, 262.

¹² Josephson, Eldamaty 1999, 37–39.

¹³ El-Sayed 1985, 173–181.

¹⁴ Jansen-Winkel 2014, 977–978.

¹⁵ Jansen-Winkel 2005, 145.

¹⁶ Jansen-Winkel 2014, 63–64.

¹⁷ Jansen-Winkel 2014, 156–158.

Первого персидского владычества длинные родословные вельмож содержатся в надписях на стелах Louvre IM 137¹⁸, 4013¹⁹, 4025²⁰, 4046²¹, 4076²², 4080²³, 4097²⁴, 4125²⁵; 2) из stel Саисского времени следует упомянуть единственную стелу Louvre IM 3114²⁶. Кроме того, одна из самых известных «длинных генеалогий» присутствует в надписи одного из вельмож, живших при Дарии I – в наскальной надписи «начальника строителей» (*hrp k3t*) Хнумибра в долине Вади-Хаммамат²⁷. Также временем Первого персидского владычества датируются наофорные статуи Пефи (ГМИИ I.1.a.4985 (1387)²⁸) и Яхмоса (Berlin 14.765²⁹), надписи на которых содержат генеалогию владельцев.

Следует отметить, что данные памятники в основном так или иначе связаны с религиозной сферой: «длинные генеалогии» встречаются в надписях тех памятников, которые устанавливались в храмах (или в других культовых местах, к примеру, усыпальница быков Аписов) и в гробницах вельмож. Кроме того, они встречаются в надписях на наофорных статуях, чье непосредственное назначение было обеспечить сакральную защиту изображенному на памятнике лицу и исполнение причитающихся ритуалов жрецами³⁰. Отдельно стоит упомянуть «длинную генеалогию» «начальника строителей» Хнумибра в Вади-Хаммамат. Хотя данная надпись не имеет столь явной связи с религиозной сферой, как другие памятники с «длинными генеалогиями», стоит заметить, что в мировоззрении египтян территория пустыни и долин вади имели сакральное значение как границы между миром земным и миром Ка, находящейся при этом под защитой богов³¹. Можно предполагать, что данный взгляд сохранился до I тыс. до н.э. и надпись «начальника строительства» Хнумибра вписывается в указанную традицию.

Таким образом, можно говорить о том, что памятники с «длинными генеалогиями» создавались для установки на сакральных территориях (гробниц, храмов или территории пустыни), имевших определенную связь с богами и находившихся под их защитой. Причем в текстах самих памятников могло подчеркиваться их назначение в качестве памятника, по отношению к которому могли совершаться культовые обряды. Так, на дверной перемычке (Cairo JE 38824) сцена с перечислением предков жреца Паченефи озаглавлена фразой «совершение жертвоприношения (букв. “жертвы, данной царем”) отцам и матерям» (*irt htp-di-nsw [n] itw mwwwt*)³². Таким образом, справедлива мысль К. Янсена-Винкельна о создании «длинных генеалогий» с целью осуществить посмертное почитание предков одной семьи без необходимости возводить для каждого из них индивидуальный памятник.

¹⁸ Chassinat 1901, 86–87.

¹⁹ Chassinat 1901, 76–77.

²⁰ Chassinat 1901, 82.

²¹ Chassinat 1901, 84–85.

²² Chassinat 1899, 66–67.

²³ Chassinat 1900, 25–26.

²⁴ Chassinat 1901, 78–79.

²⁵ Chassinat 1903, 59.

²⁶ Chassinat 1900, 179.

²⁷ Posener 1936, 98–

²⁸ Берлев, Ходжаш 2004, 300–309.

²⁹ Wildung 1969, 79–83.

³⁰ Klotz 2004, 292–294.

³¹ Лебедев 2014, 331.

³² Leahy, Leahy 1986, 137–138.

Однако стоит заметить, что между «длинными генеалогиями» ранней Саисской династии и более позднего времени существует одно существенно важное различие, которое, на наш взгляд, свидетельствует об изменении в восприятии подобных родословных. В данном случае необходимо обратить внимание на то, какому кругу людей была доступна информация «длинных генеалогий». Ряд памятников времени Псамметиха I происходят из гробничных комплексов (саркофаги «визирей», дверная перемычка жреца Паченефи). Естественно полагать, что доступ к данным текстам был более ограничен, чем к тем памятникам, которые располагались в «публичных» местах. В отличие от более ранних памятников, «длинные генеалогии» времени правления Амасиса и персидских царей располагались на памятниках, которые были доступны более широкому кругу людей. Так, наофорные статуи и стелы могли устанавливаться на территории храмов, где с ними могли взаимодействовать местные жрецы³³; надпись Хнумибра располагается на скале, где ее могли видеть участники последующих экспедиций в местные каменоломни. Если говорить о погребальных стелах в честь усопшего Аписа, то памятники подобного типа могли первоначально располагаться не внутри гробницы священных быков в Серапеуме, а вблизи него или связанных с ними святилищ³⁴. Кроме того, для установки данных стел требовалось разрешение высшего жречества Птаха³⁵, что также делало подобные памятники «публичными».

Подобный доступ обширного круга людей к текстам памятников позволял использовать стелы и статуи не только в религиозных целях. Конечно, связь данных памятников с осуществлением ритуалов не потеряла своего значения в более позднее время, однако, на наш взгляд, в годы правления Амасиса и в особенности в годы персидского владычества они приобрели еще одно назначение. В демотическом произведении «Повести Петеисе III»³⁶, записанном в первые годы правления Дария I, присутствует обширный экскурс в историю семьи главного героя Петеисе III. При рассказе о деятельности его предка – Петеисе I, жившего в период правления Псамметиха I, – отмечается, что им на территории храма Амона Теуджойского была установлена стела еще в период до его назначения жрецом (pRylands IX col. VII.14–15). Позднее, во время одного из конфликтов с местными жрецами, предок Петеисе III отмечал, что свидетельства стелы, установленной вельможей до назначения его жрецом, могли быть использованы в качестве доказательства того, что вельможа не занимал данную должность, поскольку она не указана в надписи на его памятнике. Таким образом, отсутствие титула в тексте памятника могло трактоваться против его права на занятие данной должности в будущих спорах: «Стела, которую я приказал установить, воздвигнув ее в святом месте, была создана еще до того, как я стал жрецом, и перед тем, как был составлен мне документ относительно долей жрецов-пророков этого поселения. Вы могли бы и сказать: “Ведь здесь не сказано, что ты жрец”» (pRylands IX col. 13.15–16;

³³ Klotz 2004, 294.

³⁴ Jurman 2001, 232.

³⁵ Jurman 2001, 241.

³⁶ Текст «Повести Петеисе III» сохранился на одном из папирусов Райландса (pRylands IX), хранящихся ныне в Манчестере. Текст произведения был опубликован Ф.Л. Гриффитом в 1909 г. [Griffith 1909], а в конце XX в. было осуществлено повторное издание текста с подробным комментарием Г. Виттманом [Vittmann 1998]. На русский язык научный перевод «Повести» с комментарием был подготовлен А.В. Эдаковым [Эдаков 1993, 263–

t3j wdi i.di (=j) ir=w dj.t Bj=w s r p3 ntj-w^cb i.ir (=j) dj.t ir=w s iw bw-r^c-tw(=j) ir w^cb iw bw-r^c-tw=w sh n=j r n3j dnj.t.w hm-ntr.w ntj n p3j dmj iw=tn r rh ddb n-pw=k). В связи с этим Петеисе I приказывает возвести новую стелу, в которой будут отмечены все его жреческие должности (pRylands IX col. 13.17–18). Важно заметить, что создание новой стелы было продиктовано опасениями даже не за собственное право на занятие должностей, а за право его потомков (pRylands IX col. 13.13-14). То есть сведения стелы должны были служить доказательством права не самого Петеисе I на должность и причитающиеся с ней доходы с жреческой доли, а права его потомков.

Таким образом, сведения памятника, предназначенного в первую очередь для религиозных целей, могли использоваться в качестве дополнительного доказательства по делу о праве обладания определенными должностями и наделами. При этом важно подчеркнуть, что в период нахождения предка Петеисе III на царской службе не происходило никаких конфликтов с жрецами храма по поводу занятия им данной должности: сомнения Петеисе I, равно как и сама спорная ситуация, возникают уже в период после его отставки, т.е. после того как сановник перестал иметь возможность обратиться к царю напрямую для защиты собственных интересов. Характерно, что наличие у Петеисе I документов, подтверждающих его владение жреческой долей, оказывается не столь веским доводом для представителей храма Амона Теуджойского – для претендующих на данный надел жрецов первоочередное значение имеют сведения стелы. Во избежание будущих споров предок Петеисе III устанавливает памятник, содержащий все необходимые для подтверждения своих прав сведения, причем устанавливает их в важном культовом месте – «на пути Амона к месту очищения», т.е. в месте, в котором постоянно проводятся ритуалы и присутствуют жрецы. Причем в текст стелы Петеисе I включает не только перечисление своих должностей, но и сведения о своих деяниях по отношению к храму, что позволяет говорить, что предназначен такой памятник прежде всего для подтверждения права Петеисе I на занятие им должности в глазах местного жречества.

Схожее назначение имели, по всей видимости, и памятники, содержащие «длинные генеалогии». Как и стелы Петеисе I, памятники с длинными родословными располагались на доступных для людей священных местах. Кроме того, по своей структуре «длинные генеалогии» представляют прежде всего перечисление поколений рода с подробным указанием должностей самого владельца памятника. При этом могли указываться и должности предков, но не столь подробно: чаще всего предыдущие поколения вводятся стандартной фразой для филиации *s3 mi nn* («сын, подобный этому /по званию/»), иногда в сочетании с отдельными значимыми должностями. Причем в подобных родословных на первый план выходит упоминание именно жреческих должностей. К примеру, Хнумибра в большинстве надписей в долине Вади-Хаммамат указывает только свою должность «начальника строительства» и варианты ее названия, а в «длинной генеалогии» сановник приводит обширный список своих жреческих должностей, которые к тому же расположены раньше, чем обозначение его административного поста³⁷.

³⁷ Posener 1936, 100.

Однако если сравнить «длинные генеалогии» с текстами стел Петеисе I, иератические копии которых присутствуют в «Повести Петеисе III», то мы обнаружим, что в стелах Петеисе I не указаны его предки, но приводятся его многочисленные жреческие титулы и описание его деятельности. При этом в памятниках с «длинными генеалогиями» в большинстве случаев не описывается деятельность указанных в них лиц. Это свидетельствует о том, что практика апелляции к сведениям частных памятников в качестве доказательства прав была связана не только с «длинными генеалогиями».

Стоит заметить, что Петеисе I не был жителем Теуджоя, а на должность жреца Амона Теуджойского был назначен в рамках своей службы. Естественно, что в подобном случае на своем памятнике сановник никак не мог сослаться на предшествующие поколения. При этом его потомок, Петеисе III, в ходе судебной тяжбы со жрецами храма за права на жреческую долю помимо текстов стел Петеисе I, чьих сведений могло быть достаточно для обоснования прав героя, приводит также описание деятельности всех своих предков. Таким образом, экскурс «Повести Петеисе III» в предшествующие эпохи и описание конфликтов предков главного героя, по сути, представляют собой своеобразную «длинную хронологию», чья основная задача к тому же была доказать правомерность владения наделами первого жреца храма Теуджойского. Причем сам спор Петеисе III и время создания текста «Повести» с подобным экскурсом относятся к тому же периоду, что и время возрождения практики «длинных генеалогий», т.е. к концу правления Саисской династии – началу Первого персидского владычества.

Однако, в чем же были причины возрождения данной традиции? На наш взгляд, на это повлияли изменения в политике правителей Саисской династии (а затем и персидских царей) по отношению к храмам. На протяжении большей части правления XXVI династии храмы и жречество обладали определенной автономией от государства и пользовалось при этом поддержкой правителей Саисского дома. Экономической основой представителей жречества в данный период было получение доходов от храмовых долей, т.е. земельных наделов храмов, которые были связаны с определенными жреческими должностями. Однако эта практика была нарушена в результате проведенных Амасисом реформ, одним из направлений которых было возвращение наиболее крупных доходов от распоряжавшихся ими жрецов в собственность царя и сокращение государственных субсидий храмам³⁸. В дальнейшем положение храмов было усугублено персидским завоеванием и сокращением дотаций от государства, предпринятым Камбизом II (P. Bibl. Nat. 215 verso, col. D³⁹). Важную роль сыграло и само завоевание Египта персами. Иноземное нашествие привело к существенному ослаблению храмов, что повлекло за собой потерю рядом жрецов своих доходов. И, как в случае с предком Петеисе III, реакцией на это могло стать создание подробных генеалогических надписей (с подробным перечислением жреческих должностей, как в случае берлинской статуи Яхмоса или вышеописанной генеалогии Хнумибра из Вади-Хаммамат) как свидетельства закрепления за жреческими династиями прав на подобные должности и связанные с ними доходы.

³⁸ Эдаков 1988, 123–124.

³⁹ Spiegelberg 1914, 32–33.

Стоит отметить, что практика создания стел как свидетельств о закреплении прав на храмовые доходы сохранилась и в более позднее время, причем не только на частных памятниках, но и на официальных. В качестве примера можно привести два памятника более позднего времени – «Стелу сатрапа»⁴⁰ и «Стелу Голода»⁴¹. Тексты обоих стел говорят о закреплении за местными храмами Буто и Элефантины соответственно земельных владений и доходов с них. При этом подобное решение обосновывается ссылкой на то, что такое же решение было принято царями предшествующих эпох, – в случае «Стела сатрапа» земли были дарованы царем Хаббашем, а сатрап Птолемей, по сути, возвращает их законному владельцу; на «Стеле Голода» в качестве дарителя земель выступает царь III-ей династии Джосер.

В отличие от официальных памятников, в «длинных генеалогиях» мы практически не встречаем никаких апелляций к фигуре царя⁴². Обоснование прав на жреческие должности (вместе с тем, и на земельные наделы, связанные с ними) происходит путем доказательства древности рода и занятия их предками владельца памятника. Стоит заметить, что это был не единственный способ доказательства прав: в уже разобранном нами примере Петеисе I сановник обосновывает свои права путем упоминания самих должностей и тех деяний, который он совершал по отношению к храму Амона Теуджойского. При этом в иератических копиях присутствует упоминание имени Псамметиха I (в датировочной формуле: pRylands IX col. XXI.12–13, XXII.9–12), который и назначил вельможу на должность жреца и даровал ему доходы с земельных наделов, хотя тексты стел не акцентируют на этом внимания. Как уже было сказано выше, назначение стел было в том, чтобы доказать права потомков Петеисе I на занятие должности в глазах местного жречества. По всей видимости, апелляция к назначению царем не являлась достаточно весомым доводом для этого, а куда большее значение имела деятельность, направленная на жреческое сословие (деяния по отношению к храму и, соответственно, его персоналу).

Объяснение этому феномену, на наш взгляд, можно найти в изменениях в египетском обществе I тыс. до н.э. После падения Нового царства происходит процесс формирования замкнутых профессиональных групп, одной из которых были жрецы. В данный период территория Египта была разделена между фиванским жречеством, контролировавшими юг страны, и иноземными ливийскими династиями на севере⁴³. Последние опирались в первую очередь на поддержку военной знати, а не на жречество. При этом цари ливийских домов выполняли прежде всего военно-политические функции, пренебрегая ритуальными, что выразилось и в смене принципов легитимации с личного (в основу которого были положены представления о каждом конкретном царе как ритуалисте и зиждителе миропорядка-Маат) на династийный⁴⁴. В подобной ситуации отстраненности ливийских правителей от религиозных дел функции поддержания религиозной традиции и

⁴⁰ Ладынин 2022.

⁴¹ Barguet 1953, 1–45; Панов 2018.

⁴² В основном тексты памятников с «длинными генеалогиями» содержат только сведения о владельце памятника, его титулах и должностях, а также об его предках.

⁴³ Kitchen 1986, 256–257.

⁴⁴ Ладынин 2016, 151–153.

оформления официальной идеологии должно было перейти к жрецам. Подобная ситуация разительно отличалась от эпохи египетской ранней древности III–II тыс. до н.э., в т.ч. предшествовавшего ливийскому времени периода Нового царства, с их системой государственного регулирования социальной структуры⁴⁵ и тесной интеграцией религиозной и светской сфер. В условиях распада этой системы и сокращения государственного вмешательства в храмовые дела жречество становится автономным сословием-корпорацией. Ожидаемо, что в таком случае главенствующую роль при определении прав на занятие должностей и на связанные с ними земли должна играть принадлежность к жреческому роду, что и выражается в «длинных генеалогиях».

Иначе говоря, создание стел и установка их на территории храмов преследовали сразу несколько целей: с одной стороны, увековечить имя владельца памятника и обеспечить его и его семью посмертным почитанием, с другой стороны, обосновать его права на владение храмовой землей перед жреческой корпорацией. В последнем случае права могли обосновываться либо благодеяниями по отношению к самим храмам или их персоналу (в рамках государственной службы или частной деятельности), либо древностью рода и занятия предками схожих должностей. Причем апелляция к древности рода, по всей видимости, стала играть куда большее значение в период Первого персидского владычества: среди памятников с «длинными генеалогиями» временем правления Амасиса датируется всего три, в то время как в период Первого персидского владычества было создано 11 памятников, содержащих длинные родословные. Особенно это заметно при рассмотрении корпуса частных стел в честь усопшего Аписа: «длинные генеалогии» встречаются на 8 памятниках персидского времени, а всего подобные родословные присутствуют на 9 стелах VII–V вв. до н.э.

В заключение отметим, что «длинные генеалогии» Саисского времени и эпохи Первого персидского владычества продолжали иметь назначение памятников, устанавливаемых в целях обеспечения культового почитания сановников и их предков. Помимо этого, в конце правления Амасиса и в годы Первого персидского владычества возрождение традиции составления длинных родословных было связано, на наш взгляд, с изменением экономических и политических условий в стране. В данный период памятники с «длинными генеалогиями» могли служить также для обоснования прав отдельных вельмож на право занятия жреческих должностей и получение доходов с причитающихся земельных наделов. При этом создавались такие памятники самими жрецами для обоснования их прав перед другими жрецами – членами жреческих корпораций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Barguet, P. 1953: *La stèle de la famine, à Séhel*. Le Caire. (BdE XXV).
 Berlev, O.D., Khodzhash, S.I. 2004: *Skul'ptura Drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Katalog [Sculpture of Ancient Egypt in the collection of Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue]*. Moscow.
 Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. 2004: *Скульптура Древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог*. М.

⁴⁵ Богословский 1983, 124–127.

- Bogoslovskiy, E.S. 1983: *Drevneegipetskie mastera: Po materialam iz Deir-el'-Medina*. [Ancient Egyptian Artisans: Based on Data from Deir-el-Medina]. Moscow.
- Богословский, Е.С. 1983: *Древнеегипетские мастера: По материалам из Дейр-эль-Медина*. М.
- Chassinat, E. 1899: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 21, 56–73.
- Chassinat, E. 1900: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 22, 9–26.
- Chassinat, E. 1901: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 23, 76–91.
- Chassinat, E. 1903: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 25, 50–62.
- De Meulenaere, H. 1976: Le clergé abydien d'Osiris á basse époque. *Orientalia Lovanensia Periodica* 6/7, 133–151.
- Edakov, A.V. 1988: Reformy Amasisa i ikh sud'ba v pozdnesaisskoe vremia [Les réformes d'Amasis et leur destin à l'époque saïsiennne tardive]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 1, 112–125.
- Эдаков, А.В. 1988: Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время. *ВДИ* 1, 112–125.
- Edakov, A.V. 1993: *Obshchestvo i gosudarstvo drevnego Egipta VII–IV vv. do n.e. (politicheskaya struktura, problemy ekonomiki i sotsial'naya organizatsiya obshchestva)*. [The society and the state of Ancient Egypt in the 7th–4th centuries BC (Political Structure, Economic Problems and the Social Organization)]. PhD Thesis. Saint. Petersburg.
- Эдаков, А.В. 1993: *Общество и государство древнего Египта VII–IV вв. до н.э. (политическая структура, проблемы экономики и социальная организация общества): дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук*. СПб.
- El-Sayed, R. 1985: Deux monuments de Musée du Caire. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 85, 173–185.
- Griffith, F.L. 1909: *Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library, Manchester*. Vol. III. Manchester.
- Jansen-Winkel, K. 2014: *Inschriften der Spätzeit. Teil IV: Die 26. Dynastie*. Wiesbaden.
- Jansen-Winkel, K. 2005: Die Entwicklung der genealogischen Informationen nach dem neuen Reich. In: *Genealogie. Realität und Fiktion von Identität*. Berlin, 137–145. (Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie, V).
- Josephson, J., Eldamaty, M. 1999: *Statues of the XXVth and XXVIth Dynasties*. Cairo.
- Jurman, C. 2001: Running with Apis: The Memphite Apis Cult as a Point of Reference for Social and Religious Practice in Late Period Egyptian Culture. In: *Egypt in Transition*. Prague, 224–267.
- Kitchen, K.A. 1986: *The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.)*. Warminster.
- Klotz, D. 2004: Replicas of Shu: On the Theological Significance of Naophorous and Theophorous Statues. In: *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 114, 291–338.
- Labudek, J. 2010: *Late Period Stelae from Saqqara. A Social-Cultural and Religious Investigation*. Birmingham.
- Ladynin, I.A. 2016: Drevneegipetskie kontseptsii sakral'nosti tsarskoy vlasti v I tysiacheletii do n.e. [Ancient Egyptian Concepts of Sacredness of the Royal Power in the Ist Millenium BC]. In: *“Bogi sredi liudei”: kul't pravitelei v ellinisticheskom, posteliinisticheskom i rimskom mire*. [“Gods Among the People”: The Ruler's Cult in Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World]. Moscow–Saint Petersburg, 136–173.
- Ладынин, И.А. 2016: Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н.э. В кн.: *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.–СПб., 136–173. (Тр. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 82. Серия II: Исторические исследования, 39).

- Ladynin, I.A. 2022: *Ptolemy, syn Laga, i zhretsy Buto. «Stela Satrapa' (Egipetskii muzei, Kair, 22182): ieroglificheskii tekst, perevod i kommentarii. [Ptolemy, Son of Lagus, and the Priests of Buto. The Satrap Stela (Egyptian Museum, Cairo, 22182): Hieroglyphic Text, Translation and Commentary]*. Moscow.
- Ладынин, И.А. 2022: *Птолемей, сын Лага, и жрецы Бутто. «Стела Сатрапа» (Египетский музей, Каир, 22182): иероглифический текст, перевод и комментарий*. М. (Тр. исторического факультета МГУ, 198).
- Leahy, A. 1986: The Lybian Period in Egypt: An Essay of Interpretation. *Lybian Studies* 16, 51–65.
- Leahy, A., Leahy, M.L. 1986: The Genealogy of a Priestly Family from Heliopolis. *Journal of Egyptian Archaeology* 72, 133–147.
- Lebedev, M.A. 2014: *Slugi faraonov vdali ot Nila. [The Servants of the Pharaoh Far from the Nile]*. Saint Petersburg.
- Лебедев, М.А. 2014: *Слуги фараонов вдали от Нила*. СПб.
- Munro, P. 1973: *Die spätägyptischen Totenstellen*. Glückstadt.
- Panov, M.V. 2018: *Istoriia o semi godakh goloda i bedstvii pri Necherikhete-Dzhosere. [The Story of a Seven-year Period of Hunger and Disaster under Netjerikhet-Djoser]*. Ed. 2. Novosibirsk.
- Панов, М.В. 2018: *История о семи годах голода и бедствий при Нечерихете-Джосере*. Новосибирск. (Египетские тексты, Т. IX).
- Posener, G. 1936 : *La première perse domination en Égypte: Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques*. Le Caire.
- Rittner, R.K. 1994: Dendrite Temple Hierarchy and the Family of Theban High Priest Nebwene-nef: Block Statue OIM 10729. In: *For His Ka: Essays Offered in Memory of Klaus Bayer*. Chicago, 205–226. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 55).
- Spiegelberg, W. 1914: *Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothéque Nationale zu Paris*. Leipzig. (Demotische Studien; VII).
- Vittmann, G. 1978: *Priester und Beamte im Theben der Spätzeit*. Wien.
- Vittmann, G. 1998: *Der demotische Papyrus Rylands 9*. Wiesbaden.
- Wildung, D. 1969: *Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt*. Berlin.

ANCIENT EGYPTIAN “LONG GENEALOGIES” OF THE 7th – 5th BC AND THEIR PURPOSE

Denis A. Izosimov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: DenLore@yandex.ru

Abstract. The article discusses the purpose of creating so-called “long genealogies” during the Saite dynasty and the First Persian period. Specific “long genealogies” were often studied by previous scientists, but only by K. Jansen-Winkel investigated the practice of creating such genealogies in general. However, the scientist investigated only the purpose of such documents, and the fact that “long genealogies” can only be attributed to the beginning of the Saite dynasty and, after a century-long break, to the reign of Amasis and the First Persian period, remains ignored. To identify the reasons for this gap and the subsequent revival of this practice, it is necessary to turn to the goals of “long genealogies”. The most common use of monuments

containing them was to ensure the veneration of all family members in one memorial. However, at the end of the Saite dynasty, they acquired a different purpose and served to assert the rights of Egyptian priests to hold certain positions in the temple hierarchy and receive income from related lands. This additional goal was caused by changes in royal policy towards the temple: the reforms of Amasis were aimed at reducing the autonomy of temples and state donations to them. The Persian rulers of Egypt adhered to this policy, which led to a deterioration in the financial situation of the priests. The revival of “long genealogies” is connected with the desire of priests to justify their rights to certain positions, relying mainly on the hereditary principle, which, moreover, was significant in the eyes of other priests.

Keywords: Ancient Egypt, “long genealogies”, Saite period, First Persian period, private monuments, priesthood.
